

Т. С. Бубенько

АРХИТЕКТУРНО-ПЛАНИРОВОЧНЫЙ ОБЛИК ВИТЕБСКА В XIV–XVIII вв.

В XIV–XVI вв. военно-оборонительный фактор был важнейшим в общей системе планировки города. Требованиями обороны обуславливалась компактность застройки, пространственная замкнутость Витебска. Крепостные стены затрудняли связи внутреннего и внешнего пространства, фактически только церкви являлись видимыми издали ориентирами. В этот период начинается формирование радикальной системы планировки, которое было завершено не ранее XVI в. [Кишик, 1981. С. 40]. Торговые площади, функционировавшие с древнерусского времени в восточной и западной частях торгово-ремесленного посада, по-прежнему являлись планировочными центрами, к которым стягивались городские улицы [Бубенько, 1996. С. 57–65]. Обязательной принадлежностью торгового пространства являлись церковь — издали видимый путниками ориентир и корчма.

Анализируя с изложенных выше позиций планировку и застройку позднесредневекового замка, нельзя не заметить, что участок восточнее детинца (западная часть пл. Свободы) вплоть до XVII в. являлся узлом, к которому стягивались городские улицы. Великая, ведущая к северным воротам города, сливалась здесь с ул. Великой Задунайской (существовала с XII в.). К ним примыкали заулок Кузьмодемьянской и ул. Пробойная, ведущая на детинец [ИЮМ. 1890. С. 499]. Время возникновения последних в настоящее время уточнить невозможно, однако известно, что к середине XVII в. они уже перестали функционировать: Кузьмодемьянская — в связи с постройкой иезуитского коллегиума, Пробойная — после разрушения Замковой браны, через которую осуществлялась связь с Верхним замком. Кроме того, в «Историко-юридических материалах» неоднократно сообщается о существовании до XVI в. в восточной части Нижнего замка Пятницкой церкви, а, как известно, церкви во имя Параскевы Пятницы и Николая Мирликийского предпочитали возводить «на торгу» [ИЮМ. 1890. С. 505; 1891. С. 476; 1900. С. 95]. По всей видимости, она существовала здесь с древнерусского времени и до конца XVI в., когда была разрушена в связи со строительством иезуитского коллегиума. Кроме церкви на площади стояли «коморы крамные» и колодец. На плане Витебска 1664 г. на Нижнем замке изображено два колодца: один — на углу ул. Великой и Великой Задунайской, второй — возле Благовещенской церкви [Сапунов, 1910. Вклейка].

В этой же части замка располагались главные въездные ворота — «Красные», которые соединяли Витебский замок с посадом на Взгорье, и восточные ворота — Задунайские, ведущие к поселению на Кстовской горе [Ткачев, Колединский и др., 1987. С. 80]. Именно в восточной части города была найдена берестяная грамота от Степана к Нежиле, которая вполне могла быть

выброшена адресатом прямо на торгу после выполнения им просьбы Степана.

Планировка торговой площади в западной части Нижнего замка на берегу Западной Двины мало чем отличалась от вышеописанной. Южную часть торгового пространства занимала Благовещенская церковь, построенная в 40-е гг. XII в. Восточнее храма были вскрыты остатки корчмы XVII в. В Жалованной грамоте короля Александра (1503 г.) о корчме читаем: «...Звыкли мети одну корчму вольную на замку витебском низшом, над которую ж жадна корчма там в Витебску не могла быть во всем месте и на ином месте оногo замку». Далее в документе говорится, что стоит она на том месте, «яко з стародавна там звыкла быть» [Белоруссия в эпоху феодализма. С. 133].

Планировка Верхнего замка до середины XVII в. оставалась неизменной, и только во второй половине столетия начинается его перепланировка, вызванная общими изменениями в планировке Витебска: формирование нового административного центра на Взгорье с рыночной площадью, Ратушей и торговыми рядами. С XVI в. связь между замками стала осуществляться через Тёмные проезжие ворота, расположенные в юго-западной части Верхнего замка. Археологически это прослежено на участке раскопа 1977 года, где на месте жилой застройки XVI века проложена уличная мостовая, рубленая в 1661 г. (дентродата) и показанная на плане Витебска 1664 года [Калядзінскі, 1993. С. 135].

Уличная планировка экономического центра — Нижнего замка оформилась в основном в XII–XIII вв. и оставалась неизменной вплоть до конца XVI в. В восточной части замка улицы Великая, Великая Задунайская и заулок Кузьмодемьянской кольцом опоясывали торговую площадь и соединяли город с прилегающими посадами через Завитебные и Задунайские ворота. Связь с Верхним замком осуществлялась по улице Пробойной через Замковую брану.

Планировка центральной и западной частей Нижнего замка прослежена начиная с XVI в. Во время археологических исследований здесь было вскрыто 4–5 ярусов замощения ул. Великой. Теперь основная городская магистраль ул. Великой, повторяя конфигурацию оборонительных укреплений, ведёт через весь Нижний замок к Заручайским проезжим воротам [Бубенько, 2009. С. 32].

Детальное изучение чертежей и планов города XVII–XIX вв. с привлечением письменных и археологических материалов позволяет воссоздать уличную планировку конца XVI–XVIII в. в западной и центральной частях Нижнего замка. Параллельно центральной магистрали у подножья Замковой горы проходила улица, соединившая Жидовскую фортку с Волконским кругликом. Ещё одна улица вела от Верхнего замка к улице

Великой и к торгу возле Благовещенской церкви [Бубенько, 2002. С. 91]. Возникла она не ранее XVI в., когда связь с Нижним городом стала осуществляться через Темные проезжие ворота.

Уличные мостовые сооружались, как правило, из сосновых брёвен или плах шириной 24–32 см. Настил укладывался на толстые лаги (18–20 см). Во избежание расползания брёвен мостовой иногда использовали стопорящие клинья. Ширина центральных улиц достигала 4,5–5 м, в то время как второстепенных — не превышала 3–3,5 м [Бубенько, 2004. С. 62]. Очень часто от центральных улиц к дворам горожан вели тупиковые заулки. Л.В. Колединский указывает на интересную особенность: отдельные участки улицы были выложены из различного материала. Так, встречены участки, выложенные из одних дубовых или одних березовых бревен. Это свидетельствует о том, что каждый хозяин перед своей усадьбой обязан был замачивать закрепленный за ним участок улицы [Калядзінскі, 2002. С. 32]. Подтверждением тому является грамота литовского великого князя Александра витебскому наместнику князя Михаила Жаславскому в 1495 году: «... мост мощивали, каждый человек перед своим двором» [Белорусия в эпоху феодализма. С. 129].

Устойчивость уличной планировки вплоть до середины XVII в. обусловила устойчивость границ усадебных комплексов. Усадьбы горожан вплотную примыкали к уличным мостовым, зачастую изгородь упиралась в торцы настила.

Сопоставление сведений письменных источников XVII–XVIII вв. с данными археологии позволило установить приблизительные размеры дворов рядовых горожан. В большинстве своём усадьбы были вытянуты вдоль улицы. Их длина составляла около 6 сажен, ширина — 2 сажени и локоть, что в пересчёте на современные метрологические единицы составляет 150–160 м² [Бубенько, 2002. С. 93].

За усадебной оградой, состоящей из вбитого или вкопанного в землю частокола, размещался усадебный комплекс. Двор рядового витеблянина состоял, как правило, из жилья, клетки, одного-двух хлевов. В ряде случаев во дворах зафиксированы отдельно стоящие погреба — «ледники», глубиной до 1,6 м. В состав усадеб богатых горожан кроме жилища входили дома челяди, жилища-мастерские придворных ремесленников. Так, на территории усадьбы князя Огинского позади жилого дома располагались двухэтажные дома княжеской прислуги. Нижний этаж одного из таких домов использовался как ювелирная мастерская [Бубенько, 2007. С. 252–254].

Из изложенного следует, что развитие планировочной структуры раннесредневекового Витебска от бессистемной к уличной и далее к радикальной ничем не отличалось от традиционного развития плановых структур других городов средневековой Руси.

Характеристика основных элементов жилищ позволила проследить развитие домостроительства в Витебске в позднем средневековье и в новое время. Эволюция шла от небольших однокамерных жилищ к многокамерным (тип

конструкций); от изб, рубленных в «верхнее обло» с остатком, — к постройкам, сооружённым в «чистый угол», от неземных одноэтажных жилищ — к многоэтажным домам и, в первую очередь, к домам на подклетах. В плановой структуре происходят изменения, приведшие к сложению в XIV в. белорусского типа планировки жилищ — с печью в ближайшем от входа углу, который впоследствии стал господствующим.

Основным типом жилищ Витебска в XIV–XVIII вв., как и в предшествующий период, были бревенчатые дома, поставленные на дневную поверхность или слегка углубленные в землю. Вскрытые сооружения исключительно срубной конструкции. Размеры жилищ на детинце варьировали от 16–25 м² до 30–36 м². Жилища ремесленного люда были намного меньше — 12,5–14,5 м².

Конструктивная связь избы и сеней позволила выделить 4 основных типа жилища: 1) однокамерные постройки без сеней; 2) постройки, состоящие из отдельно рубленного жилого помещения и сеней; 3) двучастые сооружения, состоящие из цельнорубленной избы и сеней (пятистенки); 4) трёхкамерные срубы типа изба + сени + клеть.

В деревянном зодчестве средневекового Витебска, как и в зодчестве всей лесной полосы, основным техническим приёмом при сооружении жилищ была рубка «в верхнее обло» (бел. «у чашку») с остатком. Ширина соединительной чашки в жилищах XV–XVI вв. равнялась толщине венцов, а с XVI в. соединительная чашка на 1–3 см уже брёвен постройки, в связи с чем последние подтёсывались в месте сочленения венцов сруба.

В слое XVI–XVII вв. встречено несколько жилищ, рубленных в «обло» с очень коротким остатком. Из-за небольших размеров остатка сооружения такой конструкции с внешней стороны напоминают постройки, рубленные «в чистый угол». Не исключено, что сооружения с малым остатком были их предшественниками [Бубенько, 1992. С. 51].

Постройки, рубленные в «чистый угол» (в «лапу»), появляются на рубеже XV–XVI вв., однако их максимум приходится на вторую половину XVI–XVII в. Любопытно отметить тот факт, что срубы, рубленные в «лапу», являлись преимущественно нижними этажами жилищ на подклетах.

Среди сооружений жилого характера каркасная конструкция встречена внутри подклета рубежа XV–XVI вв. Рама каркаса, по-видимому, выполняла какую-то второстепенную функцию, не исключено, что она поддерживала потолок. Каркас состоял из двух параллельно положенных брёвен толщиной 16 x 24 см, на концах и в центре которых имелись отверстия для вхождения шипа вертикальных столбов-опор. Подобная каркасная конструкция известна среди сооружений Верхнего замка [Колединский, Ткачев, 1983. С. 20].

Две постройки на территории Верхнего замка предположительно квалифицированы как производственные (одна — по обработке камня, другая — кожевенная мастерская). Конструктивные срубы хозяйственных построек почти ничем не отличаются от жилищ. Различие лишь в материале сооружения. Это, как правило, брёвна толщиной 14–16, реже 18 см. В отдельных

случаях зафиксировано применение брёвен лиственной породы наряду с сосновыми. Столбовые постройки, напротив, обнаруживают большое разнообразие в устройстве и деталях. Это постройки «в паз» («у шулы») с вертикальной и горизонтальной закладкой стен брусками либо досками; «в замет», представляющие собой конструкцию стен в виде попарно вбитых кольев толщиной 8–12 см и заложённых между ними жердями; лёгкие навесы («повети») — кровля из жердей на 4–6 вкопанных столбах-опорах без стен, нередко имеющих дощатую вымостку.

Раскопками выявлены столбовые постройки рамной конструкции [Ткачёв, Колединский, 1984. С. 124–125] двух типов. Первый представляет собой основание из двух параллельно уложенных на землю брёвен, на концах которых имелись сквозные пазы, куда вставлялись столбы-опоры, державшие перекрытие. Эти постройки внешне похожи на лёгкие навесы — «повети». Второй тип — это каркас (рама) в виде четырёхугольника из кругляка, бруса или колод (соединены между собой в «обло» либо встык), в которых имелись пазы, куда вставлялись столбы-опоры, имеющие специальный шип. В свою очередь, столбы-опоры имели продольные пазы, куда вставлялись брусья или толстые доски, образуя таким образом стены постройки.

В слое XVI в. обнаружены также остатки свайной постройки. Сохранились лишь три ряда из 22 свай, вбитых до материка. Размеры постройки 3,9 x 4,8 м. Расстояние между сваями 1,5–2 м. Сваи дубовые и сосновые (брёвна толщиной 22–32 см) сохранились на длину до 4 м и более. Внутри сооружения — печь-каменка из валунов на глиняной подушке. Остатки постройки перекрыты слоем (толщиной 40–60 см) дробленого камня и крупнозернистого песка. Здесь же найдено 20 каменных ядер — возможно, это была мастерская по обработке камня.

Огромное количество щепы возле домов является свидетельством рубки сооружений внутри усадеб. Лишь в двух жилищах XVII–XVIII вв. с внутренней стороны стены зафиксированы вертикальные насечки-зарубки, указывающие на рубку и сборку сооружений за пределами города.

Как и в предшествующий период, основным строительным материалом при сооружении витебских жилищ являлась сосна. С XIV в. в домостроительстве начинают интенсивно использовать ель. Иногда для возведения нижних венцов подклётов многоэтажных домов употребляли дуб. Для возведения стен использовали древесину небольшого диаметра (17–24 см), причём толщина венцов более 20 см характерна лишь для домов XIV в. Подтеска венцов изнутри и снаружи характерна для подклётов многоэтажных домов.

Любопытна конструкция стен в одном из жилищ XVI в. Брёвна толщиной 25–30 см подтесывались изнутри, снизу и сверху. Два таких подтесанных бревна составляли один венец, общий диаметр которого увеличивался до 45–60 см.

В жилищах, состоящих из цельнорубленых избы и сеней, врубка венцов разделительной стены осуществлялась двумя способами: сквоз-

ным и глухим. В последнем случае концы венцов подтесывались на клин.

Большинство построек древнего Витебска, в первую очередь жилища и клети, сооружались на фундаментах. Для сооружений XIV–XV вв. характерны следующие конструкции фундаментов: подкладки из брёвен под углы и стены сруба; довольно часто в качестве фундаментов использовались нижние венцы предшествующих построек («подруба»); деревянные колоды под углы и стены срубов двух видов: четырёхугольные брусья (30 x 20 см) и столбы диаметром 28–30 см. Каменные фундаменты двух видов: одиночные каменные стулья под углами и стенами срубов и сплошные фундаментальные площадки высотой 75–80 см. Фундаменты данного типа на территории Белоруссии отмечены лишь на севере и северо-западе, где ледник оставил множество камней.

Заканчивая обзор фундаментов, следует также отметить, что типы 3 и 4 на встречаются со второй половины — конца XVII в. К этому же времени следует отнести постройки, сооружённые на глиняной подушке, служившей для гидроизоляции.

Основная масса вскрытых жилищ имела совершенные в конструктивном отношении полы, уложенные на 1–3 лаги. В изучаемый период существовало 3 способа устройства переводин: 1) укладка непосредственно на грунт; 2) сквозная врубка; 3) глухая врубка. Причём последний способ крепления переводин зафиксирован в сооружениях Верхнего замка не ранее XIV в., Нижнего — XVI в. Количество переводин в жилище зависело от его размеров: в постройках площадью до 20 кв. м, как правило, было 2 лаги, в больших — 3, причём средняя вырубалась возле самой печи. Полы на одной лаге встречены исключительно в сооружениях типа клети. Для изготовления переводин использовали только сосновые или дубовые брёвна, иногда вторичного употребления.

Вскрытые в жилищах полы изготавливались из колотых досок шириной 18–24 см (толщина 3–4,5 см). Иногда их ширина достигала до 40–50 см при толщине 10–16 см. Располагались полы чаще всего на уровне 1–2 или 2–3 венцов, более высокое их устройство характерно лишь для домов на подклётах. Концы половиц примыкали к стенам сруба, однако закрепление их между венцами зафиксировано только в двух жилищах. В первом случае концы половиц были зажаты между венцами, во втором — вставлены в паз шириной 2 см, вырубленный в венце сруба. Подобные способы крепления половиц характерны для жилищ Верхнего замка Витебска. Поскольку жилища существовали довольно продолжительное время, в ряде построек отмечены следы ремонта. Как отмечает исследователь Верхнего замка Л. В. Колединский, лаги нового пола нередко врубались в стены сруба техникой глухой врубки, под лаги вкладывались нивелировочные подкладки, изменялся материал половиц (вместо колод досок либо наоборот), нередко изменялась и ориентировка пола [Колединский, Ткачев, 1983. С. 22].

Помимо дощатых полов в сенях двухкамерного сооружения начала XVII в. встречен брусчатый пол, выложенный из валунного камня размерами

8 x 10 – 25 x 30 см. Причём первоначально пол здесь отсутствовал вообще. Земляные полы, по-видимому, были и в подклетах, поскольку при отличной сохранности стен срубов отсутствуют какие бы то ни было детали устройства пола.

Приподнятый пол сооружений, наличие фундаментов указывают на то, что здесь принимали всевозможные меры для сбережения жилищ от сырости. Стремлением утеплить нижнюю часть жилищ можно объяснить существование в XIII и XVI вв. жилищ, углубленных в землю на 40–80 см, по типу полуземлянок. В отличие от наземных срубов, такие жилища рубились из очень тонких брёвен диаметром 8–14 см и ставились непосредственно на грунт. Это обстоятельство наталкивает на предположение о наличии в углубленных в материк жилищ наружной земляной подсыпки для улучшения её тепловых качеств [Раппопорт, 1975. С. 133].

Среди жилищ XVII в. встречаются сооружения, имеющие, кроме основного сруба, внешний венец, который проходил вдоль одной-двух стен постройки. Подобные конструкции встречаются, правда, в древнерусское время в Минске, Полоцке, Гродно, Давид-Городке, Новгороде. Незначительное удаление внешней стены от основного сруба (0,3–0,4 м) и небольшая высота (0,2–0,5 м) позволяет рассматривать внешний венец как завалинку [Бубенька, 1992. С. 56].

Третья часть вскрытых жилищ сохранилась на высоту 4–8 венцов. Однако устройство верхних частей (дверных проёмов, окон) прослежено лишь в 4-х срубах XVI–XVII вв. Удалось выделить два способа устройства дверных проёмов. В конструктивном отношении проёмы первого типа наиболее просты: с внутренней стороны в нижнем венце вырубался паз шириной в четверть бревна (глубина 4 см) для притвора двери, в одном из углов которого имелось гнездо «под пятку». Косяк представлял собой прямоугольный брус с двумя пазами: для вхождения дверного полотна, с одной стороны, и для крепления брёвен стены, с другой.

Второй способ устройства проёма зафиксирован в постройке конца XVI в. Он вырублен в нижнем венце на уровне верхнего полубревна. Порожек состоял из двух скрепленных при помощи шипов плах, причём для плотного прилегания дверного полотна ширина их делалась различной: с внешней — 24 см, внутренней — 10,5 см. С внутренней стороны имелось углубление «под пятку» двери. Столб-косяк для крепления брёвен имел, как и косяк типа I, два паза: для закидки брёвен стены техникой «в шулу» и для плотного прилегания двери. Ширина дверных проёмов колебалась от 62 до 87 см.

Описанные типы устройства дверных проёмов были распространены в домостроительстве во второй половине XVI–XVIII в. Дверное полотно могло состоять из одной массивной доски размерами 120 x 62 x 6,5 см, имеющей шипы для крепления двери (XVI в.), или же собираться из 3-4 досок шириною 20–27 см, крепившихся деревянными планками с параллельным расположением. В слое XVII в. найдены железные дверные петли — «жиковины». В жилищах конца XVI–XVII в. дверной проём располагался в 1–2 венце.

В многокамерных жилищах Витебска в XVI в. появляются застекленные окна, о чём свидетельствуют находки круглого и прямоугольного оконного стекла. Судя по «Чертежу Витебска 1664 г.», оконные проёмы представляли собой близкие к квадрату вырубке высотой в несколько венцов, в которые вставлялась застеклённая четырёхчастная деревянная рама [Сапунов, 1910. Вклейка]. Археологически данный способ устройства оконных проёмов пока не прослежен. В однокамерных жилищах, судя по аналогиям с другими городами, окна были «волоковыми». Такая конструкция окон встречена в Витебске в срубе конца XVIII в. Окна представляли собой вырубку размерами 15 x 24–69 см, причём изнутри они были на 15–16 см шире, чем снаружи. Располагались окна на уровне 6-го венца в противоположных стенах сооружения и являлись своеобразной вентиляционной системой, особенно при отоплении изб по-чёрному.

Элементы кровли представлены фрагментами «кокошин», «самцов», гонта и черепицей четырёх типов: полуциркульной, коньковой, плоской и волнистой. Привлекая этнографический материал и архивные данные, можно составить общее представление о типах кровли в жилищах Витебска.

Самой распространённой формой кровли в изучаемый период была двухскатная крыша на самцах. На территории Белоруссии она была широко распространена вплоть до недавнего времени [Лебедева, 1929. С. 7]. В слое XVI в. найден «самец», посередине которого имелось сквозное отверстие, скорее всего для центральной балки — «трама», применявшегося в конструкции арочного потолка, хорошо известный по этнографическим материалам XIX в. В постройках столбовой конструкции, как правило, сооружалась односкатная крыша «на сохах» [Калядзінскі, 2002. С. 33]. В XIV в. в Витебске начинают появляться четырехскатные крыши, которые первоначально применялись лишь в замковом строительстве, в частности для оформления верха башен, использовавшихся в мирное время в качестве жилищ. Дома рядовых горожан крылись, как правило, гонтом или тёсом. Найденный при раскопках «гонт» представляет собой дубовую дощечку с заострённым концом. Его размеры 22 x 39 x 0,8–2,4 см. Живописную монастырскую черепицу стали употреблять лишь с появлением четырехскатных крыш (XIV в.). В XVII в. среди жилищ зажиточной части населения города встречаются четырёхскатная и шатровая форма кровли, иногда заканчивающаяся маковкой или шаром и маковкой [Красьянскі, 1928. С. 90–91]. Подавляющее большинство жилищ в течение рассматриваемого периода, несомненно, было одноэтажным. Однако среди богатых жилищ существовали двухэтажные дома на подклетах.

Наиболее ранние подклеты, выявленные в процессе археологических исследований на территории Нижнего замка, относятся к рубежу XV–XVI вв., однако широкое распространение они получили лишь со второй половины XVI в. По сути дела подклеты являлись нижними этажами дома, но высота их не превышала 1,6 м. В зави-

симости от высоты, сооружения могли использоваться в качестве хранилищ для продуктов и имущества, производственных помещений или как жильё. М. Г. Рабинович, ссылаясь на источники, подчёркивает, что в рядовых русских жилищах XVI–XVII вв. зачастую употреблялся высокий «жилой» подклет [Рабинович, 1975. С. 183]. Он выделяет два вида сооружений: подклеты со входом и глухие. Витебские подклеты, как правило, глухие, вход в них вёл из основного помещения. Подклет со входом встречен лишь во второй половине XVII в. на усадьбе князей Огинских [Бубенько, 2007. С. 253]. Нижние этажи многоэтажных жилищ были как наземными, стоящими на фундаментах, так и углублёнными в землю до 0,8–1,3 м. В зависимости от назначения высокие подклеты имели волоковые или застеклённые окна.

Как выглядели верхние этажи, можно судить лишь по постройкам, изображённым на «Чертеже Витебска 1664 г.». Жилая часть дома (горница) была, по-видимому, той же конструкции, что и подклет. Однако вдоль стен сруба могла проходить галерея [Сапунов, 1910. Вклейка].

Тип богатого многоэтажного жилища представлен домами Горского, Огинского и Шапки. В конструктивном отношении дом возле Благовещенской церкви не был сложным. Дом, по-видимому, имел высокий подклет, выложенный из камня. Вокруг постройки шла открытая ходовая галерея, которую поддерживали мощные столбы-опоры. Светлица имела застеклённые окна и красивую изразцовую печь, в зеркало которой были вмонтированы гербовые изразцы рода Огинских с изображением «Агинца», «Котвицы» и литер «S.K.O.P. W.T.K» [Бубенько, 2009. С. 36]. По внешнему виду описанный дом напоминал дом Горского, изображённый на «Чертеже г. Витебска» 1664 г.

Основная часть дома князя Огинского, расположенного в восточной части Нижнего замка, напротив Алексеевской церкви, — вытянутый прямоугольник, поднятый на подклет и окружённый галереей, к которому примыкали шестигранный объём с широкой наружной лестницей и высокая, крытая шатром башня [Бубенько, 2007. С. 253].

По изображениям на «Чертеже» можно составить представление о внешнем виде дома писаря, В. Шапки, и доме-дворце князя Огинского, которые располагались в восточной части Нижнего замка.

Дом Шапки состоял из двух расположенных под углом корпусов и высокого входа в виде восьмигранной башни, повторяющей формы башен «кругликов» витебских замков. Дом имел высокий подклет, жилая часть занимала два этажа.

Во вскрытых постройках печь располагалась, как правило, справа или слева от входа. Только в одном жилище XVI в. развал печи зафиксирован в правом дальнем углу. В XVII в. зафиксировано довольно интересное оформление печного угла: пазы между венцами стен обшивались досками 10 x 2,5 см или же обмазывались глиной. Подобная обмазка в месте расположения печи встречена и в Верхнем замке Витебска.

Положение входа в избе установить гораздо труднее, чем соотношение расположений печи

и входа, поскольку удалось зафиксировать всего лишь 4 входа. К тому же встречены постройки, в которых пол наслан параллельно входу. В постройке XVII в. пол перестилался: первоначально настил шёл параллельно дверному проёму, следующий — «по ходу». А в двухкамерном жилище того же времени, в разделительной стене, сохранившейся на высоту 8 венцов, дверной проём вообще не зафиксирован. На наш взгляд, следует согласиться с Ю. П. Спегальским, считающим, что для определения входа прежде всего следует учитывать взаимное положение избы и двора, улицы, оград, ворот и хозяйственных строений [Спегальский, 1972. С. 63]. Известно, что средневековые жилища всегда располагались к улице тыльной стороной. На это указывают вскрытые при раскопках города остатки уличных мостовых, частоколов и дворовых вымосток, а также соотношение их расположения с жильём.

Из этнографической литературы известно, что изба с печью в углу при входе являлась преобладающим видом жилищ для Белоруссии, её планировка соответствовала западнорусской разновидности внутренней планировки [Бломквист, 1956. С. 219]. В белорусском типе этой разновидности пола примыкали к боковой от входа стене, а устье печи обращалось к входу.

Внутренняя планировка жилищ сложной конструкции заметно отличалась от плановой структуры однокамерных изб. Вход в постройку вёл через узкое помещение, а печь стояла слева от входа в большом квадратном помещении. Судя по материалам других городов, такая схема являлась общепринятой для двухкамерных построек ещё с древнерусского времени.

Во второй половине XVII в. в Витебске появляются и трёхкамерные жилые сооружения. Любопытно отметить, что в таких постройках печь располагалась в сенях справа от входа. Тыльной стороной она примыкала к жилому помещению, однако была отделена от последнего сплошной стеной из толстых брёвен. Подобное неотпливаемое жилище, в которое проходили через «избу» с печью (т.е. сени — Т.Б.), встречено в Москве в доме-пятистенке XIV–XV вв. [Рабинович, 1975. С. 166].

Печи являются одним из наиболее стабильных элементов жилья. На территории города к настоящему времени исследовано около 3 десятков развалов печей XII–XVII вв., из них лишь 7 встречены вне сооружений. Основным типом печей этого времени являлись глинобитные, сооружённые целиком из глины. Они появляются на территории Витебска на рубеже XIII–XIV вв. Являясь результатом влияния южной строительной традиции, глиняные печи Витебска претерпевают некоторые изменения: в состав материала печей XIV–XVII вв. входит значительное количество крупных камней, по-видимому, для лучшего прогревания печи и удержания тепла. В конце XVI–XVII в. на территории окольного города появляются глянано-кирпичные печи, что связано, скорее всего, с развернувшимся в этот период монументальным строительством и налаженным производством кирпича. Начиная с

XVI в. внешняя поверхность печей второго типа облицовывается изразцами: горшковыми (XVI–нач. XVII в.) или коробчатыми (XVII–XVIII вв.).

Встреченные в слое второй половины XVI в. печи-каменки позволяют продлить верхнюю границу их существования до этого времени.

В рядовых жилищах прослежено два способа установки печей: на деревянных опечках и непосредственно на землю, причём последний способ был явно преобладающим. Наиболее ранний тип опечков — столбовой — представлен остатками столбов или брусьев по углам печи. Более детально проследить их устройство невозможно из-за фрагментарности конструкций. Опечек глинобитной печи XVII в. размерами 1,8 x 3,7 м состоял из 10 досок шириной 20–32 см, уложенных на короткие лаги. Поземные печи устанавливались непосредственно на землю без каких-либо подкладок. Поды в глинобитных печах состояли из валунного камня, кирпича или просто мощной глиняной подушки толщиной до 20 см.

Подводя к концу анализ печей, следует остановиться на способах удаления дыма. Основная масса домов представляла собой традиционные курные избы, откуда дым выходил через дверной и оконные проёмы. Однако с конца XVI в. на территории города существовали так называемые «белые избы», из которых дым выводился при помощи дымохода. На данный способ вывода дыма указывают изображённые на

«Чертеже м. Витебска 1664 г.» дома с выведенными наружу трубами и некоторые письменные документы, в которых сообщается о наличии в городе светлиц. Отсутствие копоти на оконном стекле и лицевых пластинах изразцовых печей также указывает на наличие дымоходов в домах богатых и даже зажиточных горожан.

Анализ жилищ города свидетельствует о преемственности основных домостроительных традиций в городах лесной полосы Восточной Европы. На конструктивное развитие жилищ средневекового Витебска оказывали влияние и социально-экономические факторы, примером чего может служить разделение жилищ на простейшие однокамерные и богатые многокамерные дома, прослеженное на археологических материалах XVII в. Письменные источники конца XVI–XVIII в. также свидетельствуют о том, что наряду с ремесленниками и купцами на территории Нижнего замка проживали земяне (бояре), бояре панцирные, князья [ИЮМ. 1891. С. 475–481]. Последние иногда владели несколькими домами, как например князь Симон Огинский, которому принадлежали двухэтажный дом на высоком подклете в восточной части Нижнего замка и дом на каменном фундаменте в западной части Нижнего города.

Таким образом, в XVII в. появляется тот тип сложного, многочастного жилища, который станет одним из наиболее характерных для рядового жилища Витебска в XVIII–XX вв.

Источники и литература

1. Белоруссия в эпоху феодализма: Сб. документов и материалов: в 3 т. Минск, 1959. Т. 1.
2. Бломквист Е. Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Тр. ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. М., 1956. Т. 31: Восточнослав. этногр. сб.
3. Бубенька Т. С. Жыллё феадальнага Віцебска // 3 глыбі вякоў. Наш край: Гісторыка-культуралагічны зборнік. Мінск, 1992. № 1.
4. Бубенько Т. С. Нижний замок — экономический центр Витебска XIV–XVIII вв. // *Castrum, urbis et bellum*. Барановичи, 2002.
5. Бубенько Т. С. Планировка и застройка посада средневекового Витебска (X–XIV вв.) // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. Мінск, 1996. № 8.
6. Бубенько Т. С. Площадь 1000-летия Витебска: итоги исследований и перспективы благоустройства // 90 год Віцебскаму абласному краязнаўчаму музею: матэрыялы навуковай канферэнцыі, 30–31 кастрычніка 2008 г. Мінск, 2009.
7. Бубенько Т. С. Средневековый Витебск. Посад — Нижний замок (X — первая половина XIV в.). Витебск, 2004.
8. Бубенько Т. С. Усадыба кн. Огинских в Витебске или новые дополнения к «Чертежу» м. Витебска 1664 г. // Актуальные проблемы из исторического прошлого и современности в общественно-гуманитарных и социорелигиоведческих науках Беларуси, ближнего и дальнего зарубежья: материалы международной научно-теоретической конференции. Витебск, 19–20 апреля 2007 г. Витебск, 2007.
9. ИЮМ. Витебск, 1890. Т. XX.
10. ИЮМ. Витебск, 1891. Т. XXII.
11. ИЮМ. Витебск, 1900. Т. XXVIII.
12. Кищик Ю. Н. Особенности пространственной организации Витебска в XVI–XVII вв. // *Строительство и архитектура Белоруссии*. Минск, 1981. № 1.
13. Калядзінскі Л. У. Віцебскі Верхні замак // *Археалогія і нумізматыка*. Энцыклапедыя. Мінск, 1993.
14. Калядзінскі Л. У. Дзядзінец — Верхні замак Віцебска // *Памяць*. Віцебск. У 2-х кнігах. Мінск, 2002. Кніга 1.
15. Колединский Л. В., Ткачёв М. А. Строительная техника и строительные материалы средневекового Витебска // Проблемы изучения древнего домостроительства в VIII–XIV вв. в северо-западной части СССР. Рига, 1983.
16. Краснянскі В. Р. «Чарцёж» места Віцебску 1664 г. як дакументальны помнік да гісторыі беларускага драўнянага будаўніцтва // *Запіскі аддзела гуманітарных навук*. Кн. 6. Працы камісіі гісторыі мастацтва. Мінск, 1928. Т. 1.
17. Рабинович М. Г. Русское жилище XIII–XVII вв. // Древнее жилище народов Восточной Европы. М., 1975.
18. Раппопорт П. А. Древнерусское жилище VIII–XIII вв. // САИ. М.; Л. 1975. Вып. EI-32.
19. Спегальский Ю. П. Жилище северо-западной Руси IX–XIII вв. М., 1972.
20. Ткачев М. А., Колединский Л. В. Постройки древнего Витебска XII–XVII вв. // *Древнерусский город*. Киев, 1984.
21. Ткачев М. А., Колединский Л. В., Бубенько Т. С. Средневековый Витебск // *Труды 5 Международного конгресса славянской археологии*. М., 1987. Т. 3. Вып. 16.